

ка, Вагнер, Вебер, Шуман, Шуберт, Беллини, Верди), комментатор избирает только Мусоргского, Беллини и Верди, а о других хранит молчание. То, что характеризует эту страницу, характеризует комментарий в целом.

Еще хуже дело обстоит с объяснениями по существу. Правда, там, где комментатор бесхитроно воспроизводит материал из различных энциклопедий или указывает русские переводы трудов, упоминаемых в тексте, читатель будет ему благодарен. Но наряду с этим имеются совершенно пустые формулировки, ограничивающиеся, например, такими сведениями: «Жуковский — выдающийся русский поэт-романтик» (стр. 645). Встречаются и формулировки вроде следующей: «Несмотря на некритический отбор материала, труд Геродота представляет большой интерес» (стр. 604).

Коккьяра очень осторожен и деликатен в своей критике, всюду предпочитая говорить о реальных достижениях ученых, а не об их ошибках. Этот «недостаток» восполняется в комментариях в следующем роде: о братьях Гримм говорится: «Их теоретические построения идеалистичны и пронизаны мистицизмом» (стр. 637), или о Дефо: «В Робинзоне мы видим типичные черты английского буржуа... колонизатора и работорговца» (стр. 607).

Комментарии пестрят опечатками, ошибками и всякого рода ляпсусами в такой степени, что их можно найти почти на любой странице. Мы приведем лишь некоторые из них. На стр. 184 Коккьяра ссылается на Геббеля. Имеется в виду драматург Фридрих Геббель, писавший и о вопросах эстетики. Комментатор путает его с автором пидиллий Иоганном-Петером Гебелем, и в комментариях из двух лиц делает одно, никогда не существовавшее: Иоганн-Петер Геббель. Комментатор не различает имени Thomson (крупный американский фольклорист) и носителей фамилии Thomson, каких было несколько (стр. 591 и др.). В списке имен есть только Томсон и нет Томпсона — для комментатора это одно и то же лицо.

Форизль, скончавшийся в 1844 г., якобы выпускал труд в 1954 г. (стр. 679). Много ошибок в иностранных языках и в названиях иностранных трудов. Так, по всей книге идет «Wald- und Feldkülte» вместо «kulte».

Выше говорилось, что Коккьяра недостаточно владеет русскими материалами. Он в основном черпает из английского перевода книги Ю. М. Соколова «Русский фольклор». Как же комментатор относится к этим ошибкам Коккьяры? Частично он их исправляет — как, например, ошибки в определении личности Киры Данилова. В других случаях он их не замечает (когда, например, говорится, что статья о былинах в «Литературной энциклопедии» написана Юрием Соколовым, тогда как она написана его братом Борисом и др.), частично же к ошибкам итальянского автора прибавляет свои собственные. На стр. 644 о Н. А. Львове говорится, что он издал «Сборник русских народных песен с их голосами» (составитель И. Пратч, предисловие Львова), но на титульном листе книги стоит: «собрание», а не «сборник», «народных русских», а не «русских народных» песен; «на музыку положил Иван Прач», а не Пратч. Прач никак не является «составителем» этого сборника, он только гармонизовал напевы, сопроводил их аккомпанементом. Есть ошибки и при ссылках на «Собрание разных песен» Чулкова (на стр. 643).

Дело, однако, не только в неточностях, но и в неправильном комментировании по существу. Выше говорилось, что Коккьяра допускает упрощенное понимание концепции Веселовского. Но комментатор в этом отношении еще превосходит его. Так, на стр. 653 говорится, что Веселовский сперва находился под влиянием школы заимствования, а потом — антропологической школы. В результате «происхождение сказочных мотивов он объяснял самозарождением, а сюжетов, содержащих ряд мотивов, — заимствованием» (?!).

Вопрос о принципах и технике издания зарубежных трудов в соответствии с уровнем советской науки, нашим мировоззрением и нашей культурой — вопрос большой и сложный и требует более тщательной обработки, чем это сделано при издании нужной и важной книги проф. Коккьяры.

В. Пронн

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti. Zpracoval kolektiv pracovníků Ústavu pro etnografii a folkloristiku ČSAV za vedení Olgy Skalníkové, Praha, 1959.

Изучение культуры и быта рабочих, начатое в Чехословакии в начале 50-х годов нашего века, достигло значительных успехов. Чехословацкая наука заняла ведущее положение в разработке этой проблематики. До середины 50-х годов изучение шло в основном по линии собирания и предварительной систематизации материалов. В журналах «Československá etnografie», «Slovenský národopis», «Český lid», «Radostná země»

был напечатан ряд статей и публикаций, освещающих отдельные стороны материальной и духовной культуры чешских и словацких рабочих, по преимуществу горняков. В 1958 г. в Братиславе вышел первый крупный труд — «Banisko dedina Zakařovce»¹. «Кладенско» — вторая книга такого рода. Принципиальное значение этой книги, сообщающее ей большой научный интерес, состоит в том, что она является первой попыткой этнографического изучения крупного промышленного района. Естественно, что исследование промышленного центра было связано с особыми трудностями методологического характера, и это необходимо принимать во внимание при ознакомлении с результатами проведенной работы.

Книгу открывает предисловие акад. И. Горака, который рассказывает о живейшем интересе кладненских рабочих к изучению их культуры и быта, предпринятому Институтом этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук в 1953—1956 гг., о стремлении всеми мерами способствовать наиболее плодотворному проведению этих исследований. По мнению И. Горака, следует считать книгу «Кладенско» коллективным трудом сотрудников Института и кладненских горняков. Автор предисловия указывает на трудности, стоявшие перед исследователями: новизну проблематики, потребовавшей разработки специальной методологии и методики исследования, скудость печатных и архивных источников, заставившую основываться главным образом на полевых материалах.

Основное внимание в книге сосредоточено на народном творчестве горняков. Первая часть, написанная О. Скалниковой, — «Этнографический очерк о кладненских горняках конца XIX — начала XX вв.», — посвящена истории развития изучаемого промышленного центра с конца XVIII в. В ней освещается такой важный вопрос, как формирование горнопромышленных рабочих, характеризуются основные черты их материальной культуры, семейного и общественного быта. Все это позволяет автору показать, на какой почве возник и развивался шахтерский фольклор. У читателя создается отчетливое представление об истории формирования горняцкого населения в районе Кладно и процессах, происходивших в культурном укладе и общественном быте горняков. Выводы автора основаны на обширных, хорошо изученных материалах, чувствуется знание горняцкой среды².

Серьезные достоинства книги — в значительной мере результат применения разработанного чехословацкими учеными метода параллельных фольклорно-этнографических исследований. Изучение рабочего фольклора в Чехословакии органически связано с историческими и этнографическими исследованиями рабочих³.

Вторая (по объему — преобладающая) часть книги посвящена фольклору горняков. Она делится на два раздела: о прозаическом и песенно-музыкальном творчестве шахтеров.

В разделе о фольклорной прозе, написанном Я. Ехсм, дается подробная общая характеристика этого жанра. Рассмотрение материала предваряется обзором источников: прежние фольклорные записи, хроники и художественная литература, связанная с Кладненской областью (например, «Сирена» Марии Мейеровой), а также данные о проведенных полевых исследованиях. Все это свидетельствует о тщательности произведенных изысканий, о глубоком и всестороннем охвате материала, благодаря чему читатель получает ясное представление о прозаическом фольклорном фонде кладненских шахтеров. Основной целью изысканий было стремление проследить процесс развития шахтерского фольклора в Кладненской области и выяснить связи собственно шахтерского фольклора с традиционным.

Фольклорная проза тематически подразделяется на две группы — произведения с рабочей и нерабочей тематикой. Первые в свою очередь также подразделяются: 1) устные рассказы о крупных политических событиях в Кладненской области и политических деятелях; 2) устные рассказы, в которых изображаются не конкретные исторические события, а отдельные черты общественного уклада и определенные особенности той или иной исторической эпохи. К последнему разделу относятся также анекдоты, побасенки, пародии на рассказы о суевериях, а также сохранившийся в рудиментах традиционный шахтерский сказ. В прозу с нерабочей тематикой включаются устные рассказы местного и иного происхождения, анекдоты, побасенки, а также традиционные сказки и предания и современные сказки, складывающиеся в пределах традиционной формы. Как можно видеть, самый принцип классификации неясен. В систематизации не чувствуется четкого стержня: по существу нет последовательного разграничения ни жанрового, ни тематического (в основу, по-видимому, положен все же тематический принцип). Особенно ясно это ощущается в схеме, представленной в главе III, в шестой ее части — «Тематический и жанровый состав кладненского прозаического репертуара».

В кладненской устной прозе Я. Ех выделяет сюжеты, отражающие характерные

¹ См. рецензии на нее в советских журналах: «Сов. этнография», 1958, № 1, стр. 190—195; «Славяне», 1957, № 7, стр. 57—59.

² То же отмечено Я. Крамаржином в рецензии на эту книгу (см. «Český lid», 1960, № 5, стр. 229).

³ См. В. Ю. Крупицкая, Поездка в Чехословакию, «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 123—128.

особенности трудового и домашнего уклада шахтеров. Он также подвергает рассмотрению особенности ее языка. Я. Ехом показано, что история этого жанра протекала в русле общего фольклорного процесса: постепенная утрата чудесно-фантастического приводит к преобладанию новеллистического повествования. Наиболее распространенным и типичным видом рабочей прозы Я. Ех считает устный рассказ.

Нельзя не согласиться с положением Я. Еха о первостепенности художественного критерия для определения принадлежности устного рассказа к фольклору. Так, он считает большую часть автобиографических повествований выходящей за рамки фольклора. К сожалению, этот принцип не всегда последовательно выдержан в книге.

К удачным наблюдениям следует отнести выявление функциональной сущности произведений: воспитательной, с одной стороны, и развлекательной — с другой. Автор выделяет несколько типов кладненских рассказчиков, в зависимости от репертуара, устойчивости или вариативности повествования, степени личного творчества, манеры рассказывать. Особое внимание автора к искусству рассказчика связано, вероятно, с общим интересом к изучению мастерства певцов и рассказчиков, характерного для чешской фольклористики.

Я. Ех подчеркивает, что детальное исследование конкретных произведений не входило в его задачу. Что же касается большинства основных положений автора, то они представляются нам убедительными! Дальнейшего исследования и конкретизации требует его понимание устной прозы горняков как этапа развития народной словесности. Ех отмечает, что рабочий фольклор складывался и развивался в несравненно более короткие исторические сроки по сравнению с крестьянским, и влияние модной упадочной литературы и мещанского творчества конца XIX — начала XX в. сказалось в нем сильнее.

Одной из разновидностей прозы — юмористическому рассказу — посвящена статья Й. Спилки. Это представляется нам оправданным. Как показало изучение материалов, юмор — характерная особенность фольклорной прозы горняков, уходящая корнями в фольклорную традицию и получившая яркое развитие. Содержание анекдотов, побасенок и юмористических устных рассказов, а также пародий на традиционные поверья (впрочем, не типичных для Кладно) показывает тематическое богатство шахтерского юмора. Особо рассмотрены произведения, центральным образом которых является находчивый, веселый и на редкость остроумный шахтер Франтишек Варгулик — реальная личность (1848—1914), ставшая легендарным персонажем фольклора горняков. В юмористических произведениях автором прослежена связь идейного их содержания, часто сатирически заостренного, с формальными моментами повествования — словесной выразительностью, широким применением драматических и мимических приемов, разнообразием интонаций. Особенно выделено богатство метафор и образных сравнений, а также искусное претворение традиционных пословиц и поговорок применительно к данному случаю. Однако автор не переоценивает художественной значимости шахтерской прозы и делает правильный вывод, что юмористика уступает в целом традиционной фольклорной прозе, главная же ценность ее заключается в идейном содержании и общественной функции. Недостаточно аргументированным представляется положение автора, что большая часть анекдотов и побасенок возникла из устных рассказов.

Раздел прозы завершает антология, состоящая из трех частей: «Юмор» (наибольшая по объему), «Устный рассказ», «Традиционные сказки и предания». Неравномерность распределения материала определяется основным назначением антологии — иллюстрировать конкретным материалом основные положения статей. Например, сжатость раздела сказок и преданий (16 страниц) объясняется нетипичностью этих жанров для кладненского фольклора. Примечания к отдельным произведениям содержат сведения о распространении традиционных сюжетов, указания на опубликованные прежде материалы и т. п.

Изучение рабочей песни в соответствующих разделах (авторы В. Карбусицкий, И. Яначкова) определяется самим пониманием термина «рабочая песня» как «песня рабочего класса», т. е. произведение известного или неизвестного автора, с творческой активностью воспринятое рабочей массой; предпосылки к восприятию его заложены в самой форме, развивающей традиции народной и полупрофессиональной поэзии, а также в содержании, отражающем жизненные условия, взгляды, чувства, общественные и социалистические традиции в сознании рабочих» (стр. 317)⁴.

Следует отметить исчерпывающее знание В. Карбусицким материала и тщательность разработки его. Ему удалось показать историю кладненской рабочей песни, проследить связь песни с конкретными историческими событиями, с классовой борьбой рабочих, с революционным движением, а также выявить характерные свойства пе-

⁴ Несколько ранее вышло капитальное собрание чешских рабочих песен (Dělnické písně, Díl. I—II. Sestavili V. Karbusický, V. Pletka, Praha, 1958). Поскольку в указанное собрание в значительной мере вошли материалы, собранные в Кладно, а общие положения и выводы строятся на одинаковой основе и была опубликована подробная и обстоятельная рецензия на это издание В. Крупянской и И. Зусанека («Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 203—211), представляется достаточным охарактеризовать сущность раздела в самой общей форме, не останавливаясь на антологии, более обширной, чем приложенная к разделу прозы.

сенной формы и музыкального строя. Песенный репертуар кладненских горняков автор делит на три группы: традиционные шахтерские песни, сложившиеся в среде горнорабочих во второй половине XIX в.; рабочие песни, в которых постепенно нарастает проявление социалистической тенденции (формирование их начинается с 80-х годов прошлого века); песни разнообразного происхождения и характера (традиционные крестьянские, городской фольклор, песни профессиональных поэтов и композиторов), бытующие в горняцкой среде. Большое место отведено автором роли песни в формировании общественного сознания. Исключительно богатая песенная традиция Кладненской области наложила отпечаток и на рабочую песню. Тем, что Кладненская область — старинный промышленный центр, автор объясняет возникновение именно здесь многих чешских рабочих песен.

В разделе «Оркестры кладненских горняков» (автор — Б. Нушл) прослеживается история шахтерских и заводских хоров и оркестров в Кладненской области, их состав и репертуар. Материалы показывают относительно высокий художественный уровень исполнительского искусства горняков и репертуара хоров и оркестров, а также важную роль заводских капелл в общественной и культурной жизни шахтеров, в формировании художественного вкуса и музыкальной традиции кладненских горняков. Шахтерские оркестры оказали влияние и на областную музыкальную традицию, с которой связано творчество ряда видных чешских музыкантов.

Книгу завершает раздел о народной традиции кладненской песни и влиянии на нее творчества профессиональных поэтов и композиторов, включающий антологию и сравнительно краткую, но содержательную статью И. Яначковой. Одновременно с изучением собственно рабочей песни автором проводилось изучение традиционной крестьянской песни и был выявлен песенный репертуар начала XX в. В статье дана общая характеристика кладненских традиционных песен, указано значение их для понимания того, в каком направлении шло формирование песенного репертуара кладненских горняков. Приведенные в конце раздела образцы разного рода песен дополняют общее представление о репертуаре конца XIX — начала XX в. Вызывает сожаление, что ценные наблюдения, касающиеся внесения в традиционную народную и крамаржскую (ярмарочную) балладу тематики, связанной с жизнью и бытом рабочих, не получили отражения в приведенных текстах.

В книге имеется солидный справочный аппарат (указатели песен, список певцов, обзор существовавших в Кладненской области хоров и т. п.). Следует отметить и обстоятельность резюме на русском и немецком языках, завершающих каждый раздел.

Таким образом, книга представляет значительную ценность как тем, что вводит в научный оборот совершенно новый материал по проблематике, крайне мало изучавшийся до сих пор, так и тем, что обобщает этот материал. К числу достоинств книги следует отнести в целом правильный подход к систематизации и анализу основных фольклорных явлений. Так, важное значение придается исследователями выявлению общественной и идейной функции устного творчества чешских горняков, причем анализ содержания идет наряду с рассмотрением его художественной природы. Филологический и музыкальный анализ сочетаются с изучением жизни фольклорного произведения в среде шахтеров, а также с выявлением индивидуальных особенностей исполнительского мастерства.

Одна из основных методологических предпосылок, лежащих в основе изучения авторами фольклорных процессов, — критический подход к оценке художественных достоинств фольклорных произведений и отграничение фольклорного фонда произведений, встречающихся в шахтерской среде, но стоящих за границами народного творчества.

Не менее важно и стремление авторов выяснить взаимосвязи рабочего фольклора с устно-поэтической крестьянской традицией данной местности. Признавая, что в целом в художественном отношении рабочий фольклор уступает традиционному, авторы справедливо подчеркивают ценность его прежде всего как исторического источника, имеющего важное значение для изучения процесса формирования рабочего класса, истории рабочего движения, для выявления характерных свойств его быта и культуры.

Н. Велецкая

НЕМЕЦКИЕ ПРЕДАНИЯ О ХОЗЯИНЕ И РАБОТНИКЕ

Herr und Knecht. Antifeudale Sagen aus Mecklenburg. Aus der Sammlung Richard Wossidlos, herausgegeben von Gisela Schneidewind. Akademie-Verlag, Berlin, 1960.

Немецкая Академия наук приступила к изданию фольклорной серии «Немецкие демократические предания». Первый том этой серии вышел в Германской Демократической Республике в трудах Института этнографии Академии наук (Institut für deutsche Volkskunde) под названием «Хозяин и работник». Сборник этот составлен из записей известного собирателя немецкого фольклора Рихарда Воссидло и подготовлен к печати Гизелой Шнейдевинд. Книга эта очень характерна для современного состояния филологической науки в Германской Демократической Республике, начинающей изучать